

Дуальность Востока и Запада: взаимообусловленность и взаимо- дополнительность в зеркале литературы

DUALITY OF EAST AND WEST: INTERDEPENDENCE AND COMPLEMENTARITY IN THE MIRROR OF LITERATURE

© 2023 **Светлана Викторовна Прожогина**

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
svetlana.projogina@mail.ru ORCID ID: 0000-0001-8276-0289

Svetlana V. Prozhogina

DSc (Philology), Professor, Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; svetlana.projogina@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8276-0289

Литература как искусство слова отражает окружающий мир во всех проявлениях, связанных с историческим, социальным и общекультурным контекстом, влияющим на психологию и автора, и героев его произведений. Эпоха колониальных захватов, усиливающийся интерес Запада к Востоку породили особый тип искусства, связанного с понятием «ориентализм», служившим неким «орнаментализмом» для романтических настроений авторов и их намерениях представить Западу свой Восток. Попутно возникавшая ориенталистика как наука о Востоке была связана с реальными явлениями в многообразии восточных культур и традиций мироустройства на Востоке. Франция и захваченные ею страны западной оконечности Северной Африки позволяют внести коррективы в понятия «ориентализм» и «оксидентализм». Сформировавшаяся в эпоху колониализма в Магрибе литература, стала не только продуктом национальной истории, но и национально окрашенным ответом французскому литературному «ориентализму» в «оксидентальной» форме, чему способствовало франкоязычие, суще-

ствующее и в поле современной культуры Франции. Оксидентализированные эмигранты и осевшие на Западе иммигранты — этнические магрибинцы, влияя на мироустройство Франции (демография, экономика, политика, культура), сохраняют собственную идентичность, проявляемую и в оценке окружающей реальности, и в стремлении сохранить самобытность в условиях глобализации. Отмеченные явления эволюции современных культур и литератур Востока и Запада позволяют дифференцировать такие понятия, как «ориентализм», «африканизм», «оксидентализм» в целеполагающих проявлениях при соотносении с национальными традициями и новациями, что дает возможность объективного изучения и Востока, и Запада во всем разнообразии взаимовлияний, взаимодействия, взаимоотталкивания и взаимодополнительности.

Ключевые слова: ориентализм колониальной литературы Франции, оксидентализм магрибинского франкоязычия, ориентализация культурного поля Запада, оксидентализация магрибинской литературы

Для цитирования: Прожогина С. В. Дуальность Востока и Запада: взаимообусловленность и взаимодополнительность в зеркале литературы. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 1. С. 36–47. DOI: 10.18253/S268684310025307-5

Literature as the art of the word reflects the surrounding world in all manifestations associated with the historical, social, and general cultural context that affects the psychology of both the author and the characters of his works. The era of colonial conquests, the growing interest of the West in the East gave rise to a special type of art associated with the concept of Orientalism, which served as a kind of “ornamentalism” for the romantic moods of the authors and their intention to present their East to the West. Along the way, Oriental studies as a science of the East related to real phenomena in the diversity of Eastern cultures and traditions of the world order in the East. France and the countries of the western tip of North Africa that it has captured allow us to adjust the concepts of Orientalism and Occidentalism. The literature, formed in the era of colonialism in the Maghreb, became not only a product of national history, but also a nationally colored response to French literary Orientalism in an “Occidental” form, facilitated by francophones, which also exists in the field of modern French culture. Occidentalized emigrants and immigrants settled in the West — ethnic Maghrebians, influencing the world order of France (demography, economy, politics, culture), retain their own identity, manifested both in the assessment of the surrounding reality and in the desire to preserve originality in the context of globalization. The noted phenomena of the evolution of modern cultures and literatures of the East and West make it possible to differentiate such concepts as Orientalism, Africanism, and Occidentalism in goal-setting manifestations in correlation with national traditions and innovations, which makes it possible to objectively study both the East and the West in a variety of mutual influences, interaction, mutual repulsion, and complementarity.

Keywords: Orientalism of the colonial literature of France, Occidentalism of the Maghreb Francophones, Orientalization of the Western cultural field, Occidentalization of the Maghrebian literature

For citation: Prozhogina Svetlana V. Duality of East and West: Interdependence and Complementarity in the Mirror of Literature. *Oriental Courier*. 2023. No. 1. Pp. 36–47. DOI: 10.18253/S268684310025307-5

Запад есть Запад,
Восток есть Восток,
И с мест они не сойдут...
Но нет Востока и Запада нет,
Что племя, что род,
Если сильный с сильным лицом к лицу
У края земли встает

Редьярд Киплинг

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В искусстве слова по-своему отражается реальность окружающего мира — порой вымышленная, воображаемая, но чаще во всем многообразии действительных смыслов, типизируемых и обобщаемых писателями в данных им ощущениях происходящего в реальности. Современная культура и литература в странах Востока и Запада дают немалые возможности для сравнения таких понятий, как ориентализм, ориенталистика в их пространственной, — географической — трансформации при возникновении сопутствующих им понятий, таких, как «оксидентализм» и «оксиденталистика», «африканизм» и африканистика, порой и возникающая «ориентализация» Запада внутри культур стран Востока.

Восток и Запад как категории противоположные, уже давно «сошли со своих мест» (если использовать образ Киплинга), и изучаются в возможностях, вероятностях, необходимости и реалиях соприкосновения, пересечения, взаимосвязей, взаимовлияний и взаимоотталкиваний. Жесткий каркас когда-то установившейся терминологии порой мешает объективному обзору окружающей действительности стран Европы, Азии и Африки, так или иначе связанной не только с политикой, экономикой, но и с культурой, с искусством во всех его проявлениях и наукой о нем.

ОРИЕНТАЛИЗМ ИЛИ ОРНАМЕНТАЛИЗМ?

Наше внимание было давно привлечено к пониманию литературы Франции в эпоху колониализма и возникшего в ней течения ориентализма как особого рода «орнаментализма» в разных формах повествования о Востоке в целом (в Африке, Индии и других странах). Дело не только в художественном способе и опыте знакомства и освоения «чужой», «загадочной», «экзотической», «манящей» и «непознаваемой», а порой даже и «враждебной» в своих обычаях, обрядах, ритуалах жизни Востока по законам традиции и заветов предков, но и почти в документальной мемуаристике путешественников, в дневниковых записях военных из различных экспедиционных корпусов, в наблюдениях этнографов и отважных миссионеров — собирателей фольклора и лингвистических особенностей разных восточных стран. Во французской культуре яркими образцами встают такие имена, как Альфонс Доде, Шарль Луи де Монтескье, Гюстав Флобер, Пьер Лоти, Ги де Мопассан, Артюр Рембо, Поль Гоген, Гектор Берлиоз и многие другие¹. (В этой связи можно упомянуть об ориентализме и в немецкой, английской и русской классике — не только в прозе, поэзии, но и в музыке. Течение было свойственно и многим португальским писателям, которых интересовали колонии своей страны в Африке и на западном побережье Индии)². В этом плане мое понимание орнаментализма не отличается от концепции Э. В. Саида (см. [Саид, 2006]).

Давно пробудившийся интерес Запада к Востоку, начатая разными колонизаторами экспансия и колониальные захваты в Африке, Азии и Латинской Америке породили со временем особый пласт так называемой «колониальной литературы», сложившейся под пером француз-

1 О колониальной литературе Франции см. подробнее в: [Lebel, 1931; Memmi, 1965; Прожогина, 1993] и др. Об образах Африки в творчестве французских писателей см.: [Ляховская, 2015].

2 См. многочисленные труды Е. А. Рязуновой по истории и современному развитию португалоязычных литератур стран Африки.

ских писателей даже в особое направление³, свидетельствовавшее и об амбициях «постижения другого мира», о возможностях проникновения в него, о самих намерениях колониализма не только завоевать, пленить, но и «аккультурировать туземцев», обратить их и в свою конфессию, и даже порой посочувствовать им или даже предложить «братские объятия», создать «единый народ»⁴.

Однако постепенно под натиском Запада формировалась и собственная, автохтонная культура стран Африки и Азии, вызревая до определенного уровня самосознания, и став, в конечном счете, особым продуктом национальной истории. Во многом навязанный и ставший реальностью культурный билингвизм (и даже трилингвизм, как например, в Магрибе, если учесть арабский и берберский языки) французских колоний привел к овладению французским языком во вполне достойной Западу форме ответа ему созданием литературы в рамках усвоения привнесенных ценностей наследия эпох Гуманизма и Просвещения. Новая художественная литература, основанная на собственном знании родного Востока, стала особым типом в истории литератур Магриба, ранее принадлежавших к обширному объему средневековой арабской литературы. Новыми национальными писателями стали люди, бывшие носителями культуры своих народов (и арабов, и берберов), с детства знавшие их традиции, обычаи, ритуалы, фольклор, песенное и танцевальное искусство, владевшие

и родными языками, и освоенным европейским. Культурная «порубежность» в эпоху колонизации пополнилась и расширилась, таким образом, за счет обретения французского языка. Для многих это стало возможностью получить европейское образование, а впоследствии и способом сказать на нем свое Слово. Поэтому внешняя «оксидентализация» как способ и форма художественного выражения (усвоение новых жанров, методов, стилей литературного письма) послужила обнаружению многих возможностей раскрытия и подлинной самобытности, стать голосом новой эпохи для многочисленной аудитории Запада и других регионов мира.

Литературное франкоязычие магрибинцев не единственный феномен такого рода: к нему примыкают Конго, Мали, Нигер, Сенегал, Гвинея, Вьетнам и португалоязычная литература Кабо-Верде, Мозамбика, Анголы и англоязычная литература стран Африки (ЮАР, Нигерия, Кения, Танзания), а также англоязычная литература Индии и испаноязычная литература Филиппин⁵. Различие состоит разве что в этапах эволюции европоязычных литератур стран Азии и Африки как следствия эпох колониальных захватов.

Таким образом, колониальная литература о Востоке и даже на Востоке (в колониальном обществе возникала порой, как в Марокко, Алжире и Тунисе, и особая ветвь литературы живших там французов, претендовавших на отделение культуры от метрополии⁶) была вытеснена литературой **про** настоящий, а не экзотический

3 Подробное см. в главах автора в [История национальных литератур стран Магриба, 1993].

4 Яркие образцы представлены в творчестве осевшей в Алжире (русской по происхождению, родившейся в Швейцарии) Изабеллы Эберхардт, французов Л. Бертрана, Эм. Роблеса и др., в исследованиях проф. Сорбонны Ги Дюга, а также в лозунгах 50–60-х гг. французских коммунистов, немало сделавших для национально-освободительного движения народов Магриба за независимость.

5 См. труды В. Н. Вавилова, С. П. Картузова, И. Д. Никифоровой, Г. Я. Джугашвили, Е. А. Рязовой, Н. Д. Ляховской, Н. Ю. Ильиной, С. В. Прожогинной, А. А. Соколова, Н. С. Фроловой, основанные на тщательном изучении источников, и изданные ИМЛИ им. Горького, ИВ РАН, Ин-том Африки РАН; изд. Наука, ГРВЛ и др., начиная с середины 60-х гг. до наст. времени.

6 См. издававшиеся французами Алжира, Марокко и Туниса в 30–40–50-е гг. литературные журналы (*Oasis*; *Revue Tunisienne*, *Cahiers nord-africains* и др., как и труды Л. Бертрана, называвшего Магриб преимущественно «латинским» и «берберским»), печатавшие «пробы пера» магрибинцев, живших с французами в одном колониальном обществе, где французские писатели приобщали получавших образование во французских школах магрибинцев к своей литературе (подробнее в многочисленных работах об истории национального франкоязычия и образовании особой типологической общности в эволюционировавшей системе новой словесности магрибинцев

или взывающий к сентиментализму Восток, воссозданный со знанием всех особенностей, внутренних проблем и общественных противоречий этническими магрибинцами. Ориентализм заместился и вытеснился подлинным знанием Востока, войдя в арсенал той ориенталистики, которая была призвана изучать реальный Восток как науку⁷.

ОРИЕНТАЛИЗАЦИЯ

Изучение большого объема источников, касающихся такого региона, как Магриб, где три его страны — Алжир, Марокко и Тунис — тесно связаны историей, культурой, конфессией и этническим составом населения, эпохой долгой колониальной зависимости от одной метрополии — Франции — и эпохой почти одновременно начавшейся борьбы за политическую независимость, дает основание разграничить понятия «ориентализм» и даже «оксидентализм», ориенталистика и «оксиденталистика», их взаимодополняемость, а на определенном этапе, в постколониальной реальности, — и сопрягать всех оттенки этих понятий.

В пространстве литературы и культуры современного Запада, как и в эволюции собственно магрибинского литературного франкоязычия и бикультурности, характерен немалый пласт имен писателей, кинематографистов, актеров и музыкантов североафриканского происхождения, определяющих «ориентализацию» литера-

турного поля самой Франции и «оксидентализацию» магрибинцев, уже живущих на Западе. Возникшая в 80-е гг. XX столетия литература «бёров» (второго и третьего поколения североафриканских иммигрантов, осевших во Франции) свидетельствует об очевидности *сплава* (пока еще не синтеза!) культур и Востока, и Запада. Рожденные во Франции «бёры» очевидно «оксидентальны», и даже считаются гражданами Французской Республики. Однако им присущ и свой, особый, «ориентальный» взгляд на реальность окружающего их мира, где этнические североафриканцы все еще маргинальны, несмотря на все усилия политики «толерантности» и интеграции. Литературу «бёров», вписанную в литературу сегодняшней Франции, можно считать одновременно и особой ветвью эволюционировавшей национальной магрибинской культуры в транснациональном пространстве⁸.

Параллельно с этим процессом в сфере французской культуры, науки и образования, в спорте идет процесс некоей «ориентализации»: современный французский язык, особенно в среде молодежи, полон арабизмов (и французы, и эмигранты из Северной Африки учатся в одной школе); в стране немало «смешанных браков» (причем именно сегодня француженки охотно выходят замуж «за арабов»: свои мужчины, как правило, замедлены в темпах женитьбы, — статистика говорит о том, что «порой до сорока лет французы неохотно идут на заключение законного брака»)⁹. В визуальных СМИ Франции

[Прожогина, 1984; 1993; 2007; 2018] и др.). О роли европейского языка, доставшегося как наследие колониальной эпохи новым литературам Африки, два лауреата Гонкуровской премии (за лучшие достижения в литературе на французском языке) — марокканка Лейла Слимани и сенегалец Мохамед Мбугар Сарр в интервью французскому радио в январе 2021 г. сказали почти одно и то же: «для колонизованных он [язык] стал в борьбе за независимость вражеским снарядом, оставшийся на поле боя. Было бы странно его не подобрать. Но он взорвался — как наш ответ колонизаторам. Мы пишем на их языке, но о себе, о нашей истории, о нашей жизни. Сегодня очевидно, что за нами будущее и самой литературы Франции». Оба писателя сослались на известное выражение алжирца Катеба Ясина об «оружии, вырванном из рук врага».

- 7 Часто приходится слышать, что эта наука связана, в основном, с изучением культурного наследия народов Востока, с его памятниками словесности, в целом — с его прошлым, с древними рукописями, с текстологией, комментариями и атрибутами перевода и интерпретации текстов культуры прошлого.
- 8 Этой проблеме посвящен коллективный труд Отдела сравнительного культуроведения ИВ РАН [Национальная культура... 2017], включающий раздел о магрибинской культуре.
- 9 См. работу [Крылова, Прожогина, 2002] с предисл. Р. Ланды, где поднимается эта проблема.

давно уже присутствует целый ряд программ не только этнических магрибинцев, но и представителей другой «цветовой» и конфессиональной гаммы. В пространстве же крупных городов Франции заметно многообразие этнических кварталов (самые населенные — североафриканские, китайские, вьетнамские). Столица Франции — особо характерная в этом плане зона, где в кварталах (или, как ныне говорят, анклавах), густо населенных мусульманами, существуют свои законы жизни и новые порядки (собственная полиция нравов).

Однако этническая окрашенность, почти ставшая атрибутом многих городов не только Франции, но и других западноевропейских столиц, — свидетельство не торжества «политики мультикультурализма», когда-то провозглашенной в Европе, а скорее ее краха, что оказалось чревато возможностью «бунтов окраин», вспышек террора и «зеркальных ответов» государств Европы. Особенно частых во Франции. Но даже и недавнее заявление президента Э. Макрона о реальной угрозе «гибридной войны», которую, якобы, «провоцируют потоки мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки», угрожающие исчезновением самой «западной идентичности», не предотвратит прекращение этих потоков, во многом спровоцированных и усиленных эпохой глобализации.

ОКСИДЕНТАЛИЗАЦИЯ КАК ФЕНОМЕН

Становящаяся со временем (процесс легализации длителен) естественной *оксидентализация* иммигрантов через язык, социальную жизнь и даже возможность не самых низких уровней «социального лифта» получить образование и проявить себя в определенных сферах искусства и науки, не говоря о спорте, не исключает полного освобождения от природных этнокон-

фессиональных принадлежностей, диктующих особое ощущение *себя* в пространстве Запада¹⁰. Речь идет не только об охране магрибинскости в произведениях литературы «бёров», а вместе с ней их особой музыки (Raï), о радио, не только о влиянии на сохранение самобытности этнических кварталов в больших городах Франции в целом, где всегда особенны и запахи национальной арабо-берберской кухни, и наличие многочисленных гастрономических лавочек, и косметических магазинчиков, где продаются всякого рода ароматические масла специально для мусульманок, употребляющих их в качестве духов, хна для окрашивания волос, а у пожилых женщин и ладоней, и сурьма для подведения глаз и прочие атрибуты традиционной женской косметики. Что и говорить об обилии (характерном и для сугубо «африканских» кварталов сенегальцев, гвинейцев, малийцев) магазинчиков по продаже национальных украшений, тканей, порой особо ярких, пестрых или блестящих золотом и серебром для церемониальных нарядов — бракосочетаний, праздников обрезания младенцев и пр., когда женщинам необходимо ношение традиционных национальных одежд.

В этих кварталах всегда много вполне оксидентализированной молодежи — студентов, мелких служащих, преподавателей начальных школ, среди которых много арабов и берберов, чиновников невысокого ранга. Это не мешает, а по-своему располагает их к общению с природной средой, где упорно и парадоксально для эпохи глобализации воспроизводятся и охраняются самобытные национальные традиции [Прохогина, 2001; 2003; 2020; 2021].

Конечно, среди такой молодежи немало безработных, но эта проблема характерна и для французской молодежи. Сегодня безработица составляет большую проблему французского общества. «Своя среда» постоянно подпитывает формирование определенных идеологии и по-

10 Имеется в виду выражение «Mal de soi», принадлежащее Н. Бурауи — алжирке, вынужденной жить во Франции и написавшей в 80–90-е гг. несколько книг на тему, связанную с трагедией разрыва с родной землей — Алжиром и неспособностью окончательно «врасти» в землю Франции: «Le seisme»; «L'âge blessé», «Le poing mort» и др. О них подробнее в книге: [Чужое: опыты преодоления, 2004; Memmi, 2006].

ведения «восточной» молодежи. Разного рода проявления радикальных тенденций в исламе наличествуют именно среди маргинальной арабо-берберской молодежи, вытолкнутой за пределы возможностей западного общества, порой проникая и в среду безработной французской молодежи (нередки случаи принятия ислама французами). Маргинальность существования на Западе не дает этническим североафриканцам реальных надежд на возврат на родину предков, — там они тоже станут изгоями, поскольку, по мнению старейшин традиционного общества, вернувшиеся с Запада эмигранты давно утратили свои корни (что соответствует изречению в Коране) и даже стали гражданами Запада. Литературных свидетельств такого рода процессов во Франции достаточно много¹¹.

Таким образом, Запад, «ориентализуясь» в процессах глобализации в демографическом контенте, снова чреват особыми формами ответа собственных подданных, как и в эпоху колониализма. «Оксидентализация» иммигрантов, принятых Западом выходцев с Востока, дает разные плоды. И если литература «бёров» плодоносит на поле культуры, то в текущей политической современности немало и других сигналов оценки Запада выходцами с Востока, свидетельствующих об их намерениях окончательно разрушить иллюзии, некогда связанные с надеждами на обретение на Западе лозунга о Свободе, Равенстве и Братстве, провозглашенного Францией в эпоху революции XVIII века в качестве фундамента цивилизации.

ПАРАДОКС ОРИЕНТАЛИЗАЦИИ ВОСТОЧНЫХ ОБЩЕСТВ

Если продолжить эту своеобразную «игру в бисер» в рамках предложенной оппозиции ориентализм — оксидентализм, — нельзя не

отметить и некоторую «ориентализацию» внутри самих восточных обществ, проявляемую во взаимосвязях искусства и общественной жизни стран Африки, Ближнего Востока и Азии. Так, современная «арабская музыка», звучащая во всех мусульманских странах, находится под сильным влиянием современной египетской, звучащей, как правило, не только в радиотрансляциях, но и в широко тиражированной кинопродукции Египта, по-своему усвоившей и традицию старинной андалусийской музыки (созданной когда-то магрибинцами, жившими в Испании почти восемь столетий вплоть до конца XV века, и естественно впитавшей музыкальные традиции юга Европы), и активно заимствовала эстетику современной индийской музыки, сопровождающей популярные сентиментальные киносерии.

При этом в недрах самих магрибинских стран, особенно в Алжире и Марокко, продолжает звучать на государственных праздниках и различных ритуальных церемониях именно традиционная магрибинская музыка, в основном в сочетании берберских народных напевов с классической андалусийской — беззвучной, передающейся в живом исполнении и запоминаемой по слуху, давно известной Магрибу, поскольку вернувшиеся с юга Европы андалусийцы осели преимущественно в странах Магриба¹². Это музыкальное сопровождение характерно для исполняемого на всех церемониальных уровнях древнего женского танца Любви (*гуэдра*; *Guédra*), когда опытная танцовщица сидит на коленях и лишь движениями верхней части пышного тела и плеч передает глубину любовного томления и страсти.

Традиционные праздники в Магрибе часто сопровождаются гортанными женскими трелями и приглушенным стуком кожаных барабанов, превращающимся в грохот **во время праздника**

11 Яркие образцы: Bendjelloun. *Les yeux baissés* (P., 1997), *Au pays* (2010) и др.; Dib M. *Si Diable le veut* (P., 1998); Djebar A. *Oran, langue morte* (P., 2000); Mimouni R. *L'honneur de la tribu* (P., 1990); Mokkedem M. *L'interdite* (P., 1996); Charef M. *Le Harki di Miriem* (P., 1985); Benachenhou. *Je ne suis pas ni l'une, ni l'autre* (P., 2002) и многие другие. Подробнее см. в работах [Крылова, Прожогина, 2004; 2013] и др.

12 См. подробнее в [Ланда, 1993] и в: [Прожогина, 1993] о сохраняющихся в современном Тунисе культурных традициях андалусийцев, ярко отраженных в творчестве Надии Гендуз.

под названием *фантазия* (Fantasia; الفانتازيا), когда мужчины, одетые в облачения средневековых воинов, стреляют в воздух из кремниевых ружей, соревнуясь в скачках на неоседланных лошадях.

Конечно, в рамках многочисленных музыкальных фестивалей, проходящих в Марокко, со всех площадок — и уличных, и сценических — звучат и рок, и рэп, и другие виды любимой молодежью музыкальной культуры. Все происходящее в современных культурах народов Востока, можно рассматривать в рамках эволюции и модернизации музыкальных традиций в парадигме «оксидентализации». А вот в рамках современной политической действительности неожиданно обнаруживаются некоторые особенности взаимовлияний внутри собственно восточных обществ. Так, в 2011 г. в Тунисе произошло событие, позднее названное «**Жасминовая революция**», вспыхнувшая после акта саможжения молодым человеком, превратившим себя в живой факел как способ выражения решительного протеста против несправедливости и произвола властей. В культурной традиции магрибинцев акт саможжения отсутствует даже как способ социального или политического протеста. Комментаторы события, повлиявшего на цепь протестов, продолжившихся по всему Магрибу и даже в Египте, отмечают в нем «явное влияние традиции индийской культуры», вдохновившей молодого тунисца, «насмотревшегося индийских кинофильмов»...¹³

Если говорить о магрибинском литературном франкоязычии, то писатели не просто знают, но порой прямо цитируют предшественников — зачинателей этого направления развития современной литературы в странах Магриба. Среди известных имен назовем марокканца Д. Шрайби, алжирцев Д. Дебеша, А. Джебара, М. Диба, тунисца А. Мемми, ставших ориентирами, а порой и образцами творчества для поколения магрибинцев, пришедших в литературу уже в конце 60-х, в 70–80-е годы: А. Серхана, Т. Бенджеллуна, Ф. Фареса, М. Бей, Р. Буджедры

и многих других писателей и поэтов Магриба. Рашид Буджедра известен и как поклонник средневековой арабской литературы в ее суфийском варианте (аль Халладж), и как знаток творчества алжирца Катеба Ясина — классика современной алжирской литературы, и как продолжатель традиции латиноамериканцев — Х. Л. Борхеса и Г. Г. Маркеса (вспомним его знаменитый роман «1001 год ностальгии», написанный под очевидным влиянием «Ста лет одиночества»).

Факты внутриориентального взаимовлияния налицо, и современная ориенталистика не может их игнорировать, хотя порой именно современное востоковедение (особенно связанное с политологией) обращает внимание на условные формы выражения противоречий в реальности Востока, обуславливающие возникновение политических протестов. Некоторые политические акции типа «цветных» революций оцениваются как современные дискурсы со всеми «нарраторами», «актерами» и прочими атрибутами именно оксиденталистики как таковой, постоянно прибегающей к терминам эстетики постмодернизма как повсеместно торжествующего явления. Отсюда изучение «поэтики политики», а не ее реальных детерминантов и последствий. Поэтика как метод постижения смысла политики приводит к поэтизации, к примеру, «цветных революций»: революций жасминов, роз, гвоздик, тюльпанов и пр. А ведь по-своему эти реальные бунты, часто провоцируемые Западом, не революции, а идеологически размытые хаотические движения, приводящие к растерянности, многочисленным беспорядкам и, в конечном счете, — к еще более обостренным кризисным явлениям в экономике и политике. Яркий тому пример — Тунис. Так что поэтика как метод анализа такого рода явлений тут ни при чем: поэтологический анализ, некогда связанный с формальной оценкой текстов эпохи — литературных, а позже философских и политических, весьма условен для оценки политических явлений. Однако начиная с конца 60-х гг. и до сего времени, он характерен

13 См., например: [Ben Jelloun, 2016; 2011].

для оксидентальной науки (или упорно оксидентализированной отечественной).

Можно еще долго играть оттенками смыслов и расширять семантическую амплитуду ориентализма и оксидентализма как производных противостояния и взаимодействия Востока и Запада. Однако можно сделать и простой вывод о том, что хотя в сегодняшнем мире все взаимобусловлено, необходимо видеть и реальные истоки всего происходящего.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И СЛУЧАЙНОСТИ

Отмеченные выше наблюдения позволяют заметить, что ориентированная на знание Востока ориенталистика призвана перейти порог изучения лишь его прошлого и обратиться к живой реальности, постоянно расширяя горизонты знания о Востоке, который уже давно присутствует на Западе. Необходимость изучения национальных культур и традиций стран Азии и Африки и в историческом, и в современном состоянии в транснациональном пространстве диктуется реальным образованием многочисленных восточных и африканских диаспор в Европе и Америке.

При этом необходимо особо пристальное изучение, а не аннотированное чтение именно источников о прошлом и настоящем Востока. Однако в трудах современных африканистов об Африке порой судят понаслышке или через призму чужих текстов, отчего возникает ощущение столкновения с орнаментальным «африканизмом», когда предметом изучения становится лишь «позитивный опыт» интеграции иммигрировавших на Запад африканцев в европейскую культуру, а их порой весьма субъективная мемуаристика превращается в единственное свидетельство собственно африканских «нарративов эпохи»¹⁴. (Можно попутно заметить также, что «поверхностный африка-

низм» избыточен и в возникающих сегодня мотивах «важности черных жизней», как и в приступах самоуничтожения белых, особенно в США, и в собственно африканских концепциях афроцентризма конфессионального, похожего на ранний «черный национализм» негритюда. Крайности сходятся. Нередки и проявления в сегодняшней Африке попыток бланшизации — самовывбеливания — лиц и кожи, ранее особо заметной для некоторых «черных» представителей культуры Америки, а ныне — для значительного количества т. н. топ-моделей, появившихся в африканском бизнесе. Такого рода «оксидентализация» своего естества естественно влияет на сокращение жизни людей, применяющих такого рода практики.)

Глобализация, расширившая возможности миграции, имеет плюсы и минусы. Однако различие африканистикой хотя бы в рамках реальной общекультурной принадлежности тех или иных представителей континента, как и реальных проблем национальной специфичности африканских культур (не только как пространства геополитической разграниченности, но и пространства, ограниченного идеологической парадигмой) было бы не лишним.

К сожалению, современные востоковеды-литературоведы порой пытаются излагать эволюцию художественных систем в странах Ближнего Востока без опоры на знание реальной истории литературного процесса. Зачастую доклады, статьи и монографии опираются на случайные образцы литературы, зависящие от известности или престижной литературной премии. Отдельные, даже показательные для жанрового или стилистического ряда тексты необходимо располагать в системе эволюции художественных форм национальной культуры в целом в контексте эпохи. Порой тщательность пересказа этих образцов лишь подчеркивает эту необходимость (но этот способ — не самый печальный опыт постижения литературы Вос-

14 См. доклады представителей Ярославской школы африканистов на конференциях, организованных в Институте Африки РАН и изданные в трудах Группы гендерных исследований в 2017–2020 гг., а также книгу под ред. профессора Ярославского университета Т. М. Гавристовой [Гавристова, Хохолькова, 2020].

тока). Упорная оксидентализация литературоведения (культурологии и отечественной науки в целом), особенно в лексическом плане, где зашкаливает западная терминология, дополняется в плане методологическом — злоупотреблением частым соотношением современной литературы Востока со всепобеждающим «постмодернизмом». Тем самым усвоение писателями Востока обезличивается, лишается оригинальности и своеобразия опыта мировой литературы — не только западной, но и латиноамериканской, причем, в совершенно иных целях, преследовавшихся постмодернистами. Воссоздаваемая современными писателями Востока реальность своих стран и своего ощущения в их пространстве, представляет собой не столько попытку полной «деконструкции» мира и абсолютизации его тупиков, сколько способ его постижения и даже его преобразования¹⁵.

Особый способ презентации литературных текстов относится и к презентации в музеях порой случайных для стран Азии и Африки единичных произведений живописи, скульптуры, кинематографа. Этот способ, вполне приспособленный к «индустрии туризма» и рынку как таковому, использующему конкурентоспособность авангардизма, поп-арта, инсталляции, в свою очередь, являющихся концентратами эстетики постмодернизма, имеет чисто условное отношение к национальному типу искусства стран Азии и Африки, даже в аспекте особого понимания его эволюции как усвоения постоянных инноваций. Искусство — не только форма самовыражения художника или его возможностей освоения пространства мировой культуры, это прежде всего заложенный в произведение *смысл*, заявленный художником в продукте творчества. Так, на выставках, в музейных инсталляциях часто появляются загадочные или просто абсурдные произведения, с якобы заложенной в

них множественностью смыслов. В этом плане понятна абстрактная живопись в творчестве некоторых арабских художников: в ее истоке можно различить коранический запрет на изображение ликов людей и реалий человеческого мира как запрет на попытку подражания Творцу. Исключение составляет иранская средневековая миниатюра или живописный портрет общественных и политических деятелей Ирана, в чем усматривают заимствованную когда-то иранцами итальянскую традицию, привнесенную Джованни Беллини; 1476–1510.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенные умозаключения касаются современной литературы, живописи, скульптуры, танца и театра стран Востока и Запада. Искусство в целом должно опираться на фундамент традиций, а традиция, по мнению многих современных писателей Магриба, — это не пепел, но факел, особым образом освещающий путь в будущее народа. Оно связано не только с разрушением прошлого и обновлением настоящего, но и с его — Настоящего — созиданием. Если вернуться к образу Киплинга, Восток и Запад, уже давно «сошедшие с мест своих», не только увидели «лица друг друга» в многообразии проблем, но действительно «сошлись», и даже «стоят у края земли» — над бездной одной.

Эта бездна исполнена множества противоречий, контрастов, попыток и уподобления друг другу, решительных расхождений и взаимопотребностей в своих силах, — ценностях цивилизаций. Главное не перейти край «бездны», которую предвидел поэт. И здесь человечеству должен помочь образ Древа, устойчивость которого определяется тем, что у него крепок ствол, надежны корни, глубоко уходящие в землю, — тогда обязательно будет пышной и крона со

15 Жесткая классификация образцов современной литературы Востока, выявляющая ее принадлежность к тому или иному сложившемуся направлению в литературе Запада или к одному типу художественного метода, порой обобщенного лишь в идеологической парадигме (как в востоковедном литературоведении 70–80-е гг., отличавшемся «клеимением» модернизма в противовес «социальному реализму», от Индии и Непала до Турции, от Египта до Ирана, от Китая и Японии до Ирака), сужает возможность объективной оценки художественных текстов.

множеством покрытых листво́й или плодами усвоения живительных соков лучшего, что есть в этом мире, ветвей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гавристова Т. М., Хохолькова Н. Е. (ред.). *Африка: постколониальный дискурс*. М.: Ин-т Африки РАН, 2020. 248 с. [Gavristova T. M., Khokholkova N. E. (eds.). *Africa: Post-Colonial Discourse*. Moscow: Institute of Africa, RAS, 2020. 248 p. (in Russian)].

Крылова Н. Л., Прожогина С. В. *Смешанные браки*. М.: Ин-т Африки РАН, 2002. 319 с. [Krylova N. L., Prozhogina S. V. *Mixed Marriages*. Moscow: Institute of Africa, RAS, 2002. 319 p. (in Russian)].

Крылова Н. Л., Прожогина С. В. *Женщина и Чужбина*. М.: Ин-т Африки РАН, 2004. 368 с. [Krylova N. L., Prozhogina S. V. *Woman and Foreign Land*. Moscow: Institute of Africa, RAS, 2004. 368 p. (in Russian)].

Крылова Н. Л., Прожогина С. В. *Путь к себе. Проблемы самосохранения в процессах пересечения Востока и Запада*. М.: Ин-т Африки РАН, 2013. 346 с. [Krylova N. L., Prozhogina S. V. *The Way to Yourself. Problems of Self-Preservation in the Processes of Crossing East and West*. Moscow: Institute of Africa, RAS, 2013. 346 p. (in Russian)].

Ланда Р. Г. *В стране аль-Андалус через тысячу лет. Мусульманская культура в Испании*. М.: Наука, Вост. лит., 1993. 179 с. [Landa R. G. *In the Country of Al-Andalus in a Thousand Years. Muslim Culture in Spain*. Moscow: Nauka, Vost. Lit., 1993. 179 p. (in Russian)].

Ляховская Н. Д. *Образы Африки во французской литературе XIX–XX веков*. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 280 с. [Lyakhovskaya N. D. *Images of Africa in French Literature of the 19th–20th Centuries*. Moscow: IMLI RAS, 2014. 280 p. (in Russian)].

Национальная культура в транснациональном пространстве. Любимов Ю. В. (отв. ред.), Прожогина С. В. (сост.). М.: ИВ РАН, 2018. 412 с. [*National Culture in Transnational Space*. Yu. V. Lyubimov, S. V. Prozhogina (eds., comp.).

Moscow: IOS RAS, 2018. 412 p. (in Russian)].

Прожогина С. В. *Иммигрантские истории: документальные и литературные свидетельства магрибинских писателей во Франции*. М.: ИВ РАН, 2001. 270 с. [Prozhogina S. V. *Immigrant Stories: Documentary and Literary Evidence of Maghreb Writers in France*. Moscow: IOS RAS, 2001. 270 p. (in Russian)].

Прожогина С. В. *Восток на Западе*. М.: ИВ РАН, 2003. 282 с. [Prozhogina S. V. *East in the West*. Moscow: IOS RAS, 2003. 282 p. (in Russian)].

Прожогина С. В. *Обречение Авеля. К 100-летию алжирского писателя Мохаммеда Дибба*. М.: ИВ РАН, 2020. 428 с. [Prozhogina S. V. *The Doom of Abel. To the 100th Anniversary of the Algerian Writer Mohammed Dib*. Moscow: IOS RAS, 2020. 428 p. (in Russian)].

Прожогина С. В. *Время не жить и время не умирать. Топос границы в творчестве и судьбах франкоязычных магрибинцев XX–XXI вв.* М.: ИВ РАН, 2021. 404 с. [Prozhogina S. V. *Time not to Live and Time not to Die. Topos of the Border in the Work and Fate of the French-Speaking People of Maghreb in the 20th–21st Centuries*. Moscow: IOS RAS, 2021. 404 p. (in Russian)].

Прожогина С. В. *Магрибинский роман*. М.: ИВ РАН, 2007. 258 с. [Prozhogina S. V. *Maghrebian Novel*. Moscow: IOS RAS, 2007. 258 p. (in Russian)].

Прожогина С. В. *Магрибинские лейтмотивы*. М.: Белый ветер, 2018. 419 с. [Prozhogina S. V. *Maghrebian Leitmotifs*. Moscow: White Wind, 2018. 419 p. (in Russian)].

Прожогина С. В. *Рубеж эпох — рубеж культур. Проблемы типологии литературы на французском языке в странах Северной Африки*. М.: Наука. ГРВЛ, 1984. 288 с. [Prozhogina S. V. *The Turn of Epochs as the Turn of Cultures. Problems of Typology of Literature in French in the Countries of North Africa*. Moscow: Nauka. GRVL, 1984. 288 p. (in Russian)].

Прожогина С. В. (ред.). *История национальных литератур стран Магриба: Алжир, Марокко, Тунис*: в 3 кн. М.: Наука, Вост. лит., 1993 [Prozhogina S. V. (ed.). *History of the National*

Literatures of the Maghreb Countries: Algeria, Morocco, Tunisia: In 3 books. Moscow: Nauka, Vost. Lit., 1993 (in Russian)].

Саид Э. В. *Ориентализм. Западная концепция Востока.* Пер. с англ. С.-Петербург: Русский Миръ, 2006. 637 с. [Said E. V. *Orientalism. Western Concept of the East.* Tr. from English. St. Petersburg: Russian World, 2006. 637 p. (in Russian)].

Чужое: опыты преодоления. Отв. ред. и сост. Ш. Шукуров. М.: ИВ РАН, 2004. 384 с. [*The Alien: Experiences of Overcoming.* Ed. and comp. by Sh. Shukurov. Moscow: IOS RAS, 2004. 384 p. (in Russian)].

Ben Jelloun T. *Par le feu.* Paris: Gallimard, 2016. 56 p.

Ben Jelloun T. *La rivoluzione dei gelsomini: Il risveglio della dignità araba.* Rome: Bompiani, 2011. 140 p.

Lebel R. Histoire de la littérature coloniale française. *Revue de l'histoire des colonies françaises.* 1931. Т. 19. No.°83. Pp. 567–570.

Memmi A. (ed.). *Anthologie des Ecrivains Maghrebins d'expression français.* Paris: Broché, 1965. 365 p.

Memmi A. *Portrait du décolonisé arabo-musulman et de quelques autres.* Paris: Folio actuel, 2006. 224 p.

